

АХ, ОДЕССА

Сергей ПОЛИЩУК Индей	281
Владимир БОНДАРЕНКО Хобби китайца	285
Виктор РУБАНОВИЧ Лох-Несси по-одесски	287
Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК "Городок" — пятый угол!	301

Сергей ПОЛИЩУК

Индей Полубыль

Десять лет назад была опубликована эта история. Но за это время она уже ушла в фольклор, стала народным преданием...

Мирон Рафаилович Поперечный был веселый человек, а в молодые годы свои и несколько легкомысленный. Когда-то, лет сорок назад, получая свой первый паспорт, он на вопрос о национальности, заданный ему миловидной сотрудницей паспортного стола, сказал "иудей". Хотел, как видно, обратить на себя внимание этой девушки с модной в те времена шестимесячной завивкой. А девушка и записала побуквенно, да и еще так накарябала немислимым своим почерком, что вообще получилось "индей".

Вот с такой странной записью в паспорте и прожил более половины своей жизни в родном городе Одессе Мирон Рафаилович. Миловидную милиционершу он на протяжении этого времени не раз вспоминал добрым словом. В иные годы придет устраиваться куда-нибудь на работу, на него только взглянут, только раскроют рот, чтобы произнести, что свободных мест нет, а он им уже: "Индей!" — "Как, как, — спросит обалдевшая кадровичка, — есть разве такая национальность?". А он уже и паспорт показывает. "Выходит, есть, раз тут написано". "Да вы присаживайтесь! — предлагает кадровичка, — так сразу бы и сказали, — говорит, — что вы — фронтовик и рабочий высокой квалификации..."

Но вот подросли у Мирона Рафаиловича дети, внуки, решили, что пришло время ехать. А дети, внуки — народ настырный, ехидный, внуки особенно. "Ехать, — говорят, — необходимо, только куда же мы тебя, "индея", с собой возьмем? В резервацию, в леса Амазонки — так туда нам надо, а куда надо, там не нужны "индей"..."

— Да еврей я, самый обыкновенный еврей! — настаивает Мирон Рафаилович, — это все та дура с завивкой наделала!

— Откуда тебе, — говорят, — известно, что там, в мире сплошного загнивания, одни умные проживают?

Побежал тогда перво-наперво Мирон Рафаилович, конечно, в милицию: вы, мол, напутали, вы и исправляйте! А в милиции теперь люди вежливые. Соглашаются, сочувствуют. "С кадрами, знаете, у нас, товарищ, трудности были. Только, простите, откуда у вас такая уверенность, — го-

ворят, — что та наша сотрудница сорок один год назад ошиблась? А может, вы и есть самый настоящий индей, только пока этого не знаете?.."

Обратился Мирон Рафаилович и в другие государственные учреждения, поважнее милицейских, самым важным руководителям свое критическое положение объясняет, паспорт им показывает. Паспорт и Большую Советскую Энциклопедию на букву "И": там видно, что никаких "индеев" вообще не существует. А самые важные руководители — они ведь и самые образованные у нас люди, все — доктора, кандидаты — на энциклопедию смотрят уважительно, но потом раскрывают паспорт.

— В энциклопедии не существует, — говорят, — а в паспорте существует! А что такое энциклопедия, между прочим? Литература, мечта. Что важнее, — спрашивают, — мечта или документ с гербовыми печатями?..

И вообще, почему, мол, вы, товарищ Поперечный, так сильно против индейской национальности выступаете? Нехорошо это как-то, не по-нашему. Вам разве не известно, что в нашей стране граждане всех национальностей... И так далее и тому подобное...

Побежал несчастный Мирон Рафаилович и к знакомому судье, сам лет двадцать подряд был у него заседателем: заседал, кемарил понемногу, помогая ему тем самым выносить правосудные приговоры и решения. Судья объясняет:

— Факт вашего неиндейства, уважаемый Мирон Рафаилович, это еще туда-сюда, это, может быть, установить и удастся, тем более что родились вы не в Луизиане, дальше Лузановки никуда не выезжали, на крокодилов и львов в Дюковском парке не охотились (судья был шутник). Опять же и скальпов, — говорит, — ни с кого не снимали, нет у нас таких данных.

— Но вот, — продолжает он уже серьезно, — что касается вашего еврейского происхождения... Документов, как я понимаю, у вас на этот счет нет, архивы не сохранились, а свидетельские показания в таких делах... Да и евреем теперь каждому, знаете, быть охота, время такое...

Вот! Вот такие ответы, когда шутливые, а когда и вполне серьезные, слышит несчастный Мирон Рафаилович от всех, к кому только ни обратится. Проклял он уже давно в душе хорошенькую паспортистку, проклял себя. А когда после целого дня беготни по учреждениям он возвращается домой, то и весь мир готов проклясть — такое ему его домашние устраивают, особенно младшая его внучка, Юля, любимица его. И сама ведь тоже любит деда...

— Бросим, — говорит, — мы тебя, дед, как одинокого вождя. Хотя, конечно, будем поддерживать, посылки слать. С "маисом", так индейская

пшонка называется, с "пеммиканом" — сушеным мясом. Ну и, конечно, бусы тебе там всякие пришлем, набедренные повязки, чтобы имел в чем выйти на первомайскую демонстрацию.

Нашелся тут один умный человек, адвокат знакомый.

— Не морочили бы вы голову, Мирон Рафаилович, ни себе ни людям, — говорит, выслушав его, — а достали бы обыкновенную паспортную тушь да что надо сами б и дописали. Чтобы получилось: "индейский еврей". И всех тут делов! Там, куда вы собрались, — говорят, — всякие евреи годятся. Даже тьмутараканьские. Вот и допишите эти несколько букв и уезжайте себе на здоровье!

Обрадовался Мирон Рафаилович первому дельному совету. Так обрадовался, что прощаясь с адвокатом, едва не обнял его прямо на глазах у его коллег в консультации, хотел даже червонец на столе оставить, но потом одумался. А вдруг тоже шутит? Ему-то хорошо шутить, думает, за те десять минут, что с Мироном Рафаиловичем разговаривал, успел между делом два анекдота рассказать коллегам, с любовницей о встрече по телефону договориться, да еще у зашедшего ханыги купить "дворники" для "Жигуля", явно ворованные. А Мирону Рафаиловичу разве до шуток? Да и позволил бы он себе когда-нибудь, чтобы в его паспорте?.. Он — человек советский, человек бумагопослушный, для него паспорт святыня.

Живут теперь, как мне рассказывали, все родственники Мирона Рафаиловича почти уже год за границей, а он все еще здесь по учреждениям бегает, то ли действительно надеется изменить в паспорте запись, но официально, а не так, как советовал бездельник адвокат, то ли запись — это предлог, просто не хочется старику навсегда расставаться с городом, где он родился и вырос, где прошла вся жизнь с ее радостями, надеждами и тревогами, с могилой жены на старом еврейском кладбище.

Ждет Мирон Рафаилович постоянно писем от родных. Родным, как видно, тоже не слишком весело, хотя они и стараются не подавать виду. "В следующий раз, дедушка, — пишет Юля, — вышлем тебе головной убор из орлиных перьев и томагавк. Томагавк — это такой топор, им можно мясо рубить, если оно есть, а самого мяса пока, к сожалению, выслать не можем. Его здесь во всех магазинах навалом, но цены такие... Очереди только за пособием по безработице и за рабочим местом. Доктора математики, как мой папа, чтобы получить место программиста, стоят по семь-восемь месяцев, но можно и еще меньше, если согласен убирать мусор или подмывать умирающих от СПИДа больных в госпитале. А вообще, все здесь хорошо. Крепись, дед!"

А он и крепится — что же ему еще остается? Крепится — и плачет... И опять крепится...

А недавно идет он утром по родной улице Новорыбной и думает. Вот, мол, жил человек, трудился, воевал, опять трудился-вкалывал, а с чем к концу жизни подошел, что нажил! Одно, кажется, доброе имя у него. Мирона Рафаиловича, и осталось. А что оно стоит, доброе имя; что вообще когда-либо стоило?.. Вот так он идет, а навстречу ему с авоськой в руках да с молочной бутылкой в ней та самая бывшая милиционерша приближается... Узнал! (Полубыль это ведь и полусказка.)

Сорок лет не виделись, да и изменилась она за сорок лет не в лучшую сторону, а узнал сразу. Остановился, о своих бедах рассказал:

— Загубили вы мне всю мою жизнь, уважаемая гражданка, бывший младший лейтенант милиции, товарищ Нетудыхатка, если не ошибаюсь?..

Она улыбается.

— И у меня тоже не слишком... Муж был милиционер, пил. Потом, слава Богу, хоть от меня ушел, живет теперь где-то на Севере, а дети поразбежались кто куда... А ваша фамилия, говорите, Широленный? Не помню... А зашли бы вы когда-нибудь чаю ко мне попить по-соседски, посидели бы. Я ведь вот в этом доме теперь живу, вторая парадная. И квартира тоже на втором этаже. Хорошая! Звонить семь раз, только лучше — стучать, звонок не работает...

Вот так поговорили и разошлись. Она — в молочный магазин (авось там сегодня молоко будет?), он — в очередное учреждение по вопросу о своем лженнействе. И опять горькую думает думу, любимицу свою вспоминает, Юльку... Всех-всех их вспоминает, родных своих негодяев, бросивших его, старика, да почти о нем и позабывших...

А еще рассказывали мне несколько дней спустя, заработал в квартире у знакомой Мирона Рафаиловича старенький электрический звонок, чуль ли не довоенный, захрипел на весь коммунальный коридор. (Соседи считали: "Раз... два... три, четыре... Нашла-таки себе старая хулиганка приличного человека!".) А после заработала у нее и электрокофемолка, и даже мясорубка электрическая, не действовавшая уже лет двадцать...

А что, он ведь, Мирон Рафаилович, никогда и не скрывал, что он рабочий высокой квалификации, электрик. Как говорят, специалист с большой буквы, хоть и индей по национальности...

Хобби китайца

Китаец шел. Шел, как хозяин, зная куда и зачем. Лесные птицы не обращали на него внимания, занятые своими брачными церемониями. Китаец остановился, послушал их трели и зашел в деревушку Лесная Блажь. Зашел не спеша, не таясь и не прячась.

Усатый милиционер, встретив его, затараторил заученно:

— Ваши документы-фамилия-имя!

Китаец из приветливых: улыбается, кланяется, протягивает на обеих ладошках паспорт и чеканит слова:

— У Кушу.

— За что?! — встрепенулся милиционер, вынимая изо рта сигару и пуская дым колечками.

— Я — У Кушу, — тычет себя У в плоскую грудь.

— Понял. А кого? — и, машинально отбросив окуроч, блюстителем рядка погрозил на всякий случай пальцем.

— Я не сабирайся никакo укусасть, меня так звать будто я укушу, — разъяснил У и зачем-то снял шляпу из рисовой соломки.

— А-а-а! — радостно воскликнул милиционер и с добрыми напутствиями отпустил его на все четыре стороны. Строгий, как видим, мент, но справедливый.

Вскоре после этого инцидента китаец открыл салон по замене сломанных спичек на новые. Удобство для жителей лесной деревушки неоспоримо. Был ведь случай: к одинокой Дарье Егоровне заглянул гость (кавалер). Зардевшись, хозяйка поставила на плиту вчерашний борщ и чиркнула спичкой, а та вдруг сломалась, окаянная. Дарья Егоровна бегом к У, поменяла, уплатила, по дороге хлеб и соль купила — и уже на пороге. Кавалер только и успел рот открыть, потом закрыть.

Салон китайца сиял чистотой и уютом, сравнимым разве что с аптечным. Встречал клиентов У с широкой улыбкой, едва умещавшейся на его восточном лице. У всегда появлялся в ярком цветастом халате, рядом на столе возвышались стопки целлофановых пакетов с иероглифами спички. У совал принесенную клиентом спичку в пустой пакет и возвращал вместе с упакованной годной.

Символика вечности всем понятна: прошлое (сломанная спичка), настоящее (годная) и будущее, затаившееся в головке спички.

Плата умеренная — и к нему повалил народ из окрестных сел. При-